

РЕПРЕССИРОВАННАЯ НАУКА

УЧЕНЫЕ В ЗАКЛЮЧЕНИИ НА СОЛОВКАХ

К 1917 г. Россия обладала сильным научным потенциалом: система высшего образования включала в себя 124 вуза (в том числе 12 университетов), которые были мощными генераторами научных идей, а русская профессура была широко известна во всей Европе. После революции многие ученые старой школы продолжили работу при новой власти в крайне тяжелых условиях на фоне полной неразберихи в стране. Одни из них поверили в идеи социализма, другие из чувства патриотизма и привязанности к Родине не воспользовались возможностью эмиграции. Жизнь многих из этих ученых — пример стойкости, преданности своим убеждениям, уважения к избранному делу. Будучи в большинстве своем далекими от политики, они, тем не менее, очень часто оказывались в числе неугодных новым хозяевам страны. Уже в первые послереволюционные годы власти ясно дали понять, что ни заслуги, ни известность, ни возраст никого не спасут от репрессий, в чем мы можем убедиться хотя бы на примере массовой высылки ученых из страны в 1922 г.

Многим ученым пришлось пройти через тюрьмы, лагеря и ссылки. Только на Соловках за 16 лет существования здесь лагеря и тюрьмы (без учета материковых командировок СЛОНа) суждено было оказаться более чем 250 представителей самых разных отраслей науки, и это еще не окончательные данные. К сожалению, объем настоящей статьи позволяет упомянуть лишь некоторых из них.

В числе первых здесь оказался профессор Владимир Иванович Кривош-Неманич (1859 или 1862 – ?) — лингвист, криптограф, автор уникальной стенографической системы, применяемой ко всем языкам и одобренной на международном съезде стенографистов всевозможных систем в Лейпциге, двоюродный брат Д.П. Маковецкого — личного врача Л.Н. Толстого. Кривош-Неманич был арестован 24 марта 1923 г. в Москве и на 10 лет сослан на Соловки за шпионаж. В письме Е.П. Пешковой он писал: «Я осужден Коллегией ГПУ на 10 лет по статье 66 УК, несмотря на то, что шпионом никогда не был и, конечно, не буду. Я был тридцать лет профессором в Петрограде, беспартийный, служил в Государственном Совете, а последнее время — в Наркоме иностранных дел в Москве»¹. На Соловках Владимир Иванович был активным членом Соловецкого Общества Краеведения, печатался в журнале «Соловецкие острова», в лагере пользовался большим уважением за глубокие и разносторонние знания, а за владение более чем 10 языками получил прозвище «стоязычный дедушка». Его благородный профессорский облик запечатлен в известном фильме «Соловки» 1928 г.

В 1924 г. на острове оказался Клавдий Сергеевич де Бове (1876–?), ученый, крупный специалист по рысистому коневодству, продолжатель дела своего отца, европейски известного ученого в этой области. Главными причинами его ссылки были дворянское происхождение и глубокая религиозность. После 3 лет Соловков К.С. де Бове был сослан в Коми край, а в начале 1930-х гг. отправлен в Казахстан².

В один год с К. С. де Бове на Соловки был сослан инженер-авиаконструктор Владимир Сергеевич Денисов, будущий соратник С.П. Королева и А.Н. Туполева.

¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 45; Соловецкие острова. 1926. № 5–6. С. 219.

² ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 45, 363, 1557.

Лодка-глизсер конструкции Л.В. Курчевского. Соловки, 1928 г.

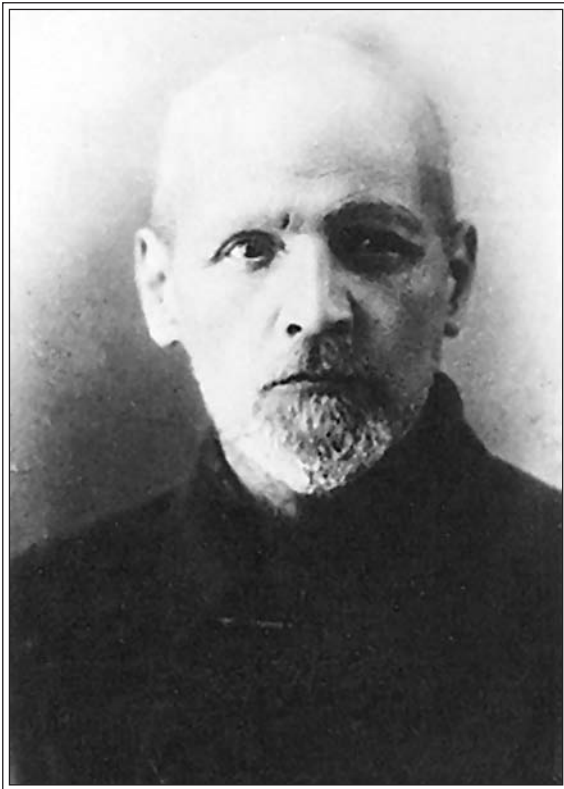
В том же 1924 г. был арестован по ложному обвинению (позднее опровергнутому) в растрате государственных средств Леонид Васильевич Курчевский (1891–1938?) — крупный ученый-конструктор в области вооружения и автомобилестроения, начальник Особого технического бюро Наркомтяжпрома. Деятельный Курчевский и в лагере нашел возможность продолжить свои научные изыскания. Он собрал вокруг себя группу технического персонала, совместно с которой вскоре переоборудовал и расширил электростанцию, а также наладил работу механических мастерских. Леонид Васильевич сконструировал лодку-«почтарку», которая не боялась сжатия льдов и была способна пробиваться через шугу. На этой лодке до ближайшего города на материке Кемь стали добираться и зимой. Затем он сконструировал глизсер — вездеход с двигателем и воздушным винтом. По некоторым сведениям, на Соловках Курчевский продолжил начатую до ареста разработку нового оружия — безоткатной пушки, испытания которой якобы проводились на Святом озере. После освобождения из лагеря в 1929 г. этот талантливый ученый продолжил свои труды. В 1930-е гг. советские самолеты-истребители оснастили 75-миллиметровыми динамореактивными пушками конструкции Л.В. Курчевского — лучшими в мире в то время. Сейчас образцы его пушек можно увидеть в Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск

связи в Петербурге. В 1937 г. Л.В. Курчевский был вновь арестован и затем расстрелян³.

По постановлению ОСО при ОГПУ СССР от 3 июля 1925 г. с трехлетним сроком на остров попал молодой, но подающий большие надежды ученый Александр Алексеевич Захваткин. Он родился в Барнауле в 1900 г. С 1921 г. учился в Томском университете, затем стал студентом факультета рыбоведения Тимирязевской сельскохозяйственной академии, после окончания которой был принят научным сотрудником кафедры зоологии Московского лесного института. Захваткина обвинили «в организации контрреволюционной нелегальной группировки в среде студенчества Тимирязевской академии под видом академического кружка и пособничестве и укрывательстве побега за границу эстонского шпиона бывшего профессора академии Спичакова»⁴. На Соловках Александру Алексеевичу удалось устроиться гидробиологом в СОКе, где он занимался изучением соловецких озер. По результатам своих исследований ученый опубликовал несколько статей в «Материалах СОКа» и монографию «Соловецкие озера. Краткий гидробиологический очерк» (Материалы СОКа, вып. IX). Удалось ли после лагеря А.А. Захваткину вернуться к научной

³ Богословский С. Жизнь большого человека // Изобретатель и рационализатор. 1966. № 6. С. 20–22; Чутко И. Мост через время. М., 1989.

⁴ Справка из Центрального архива ФСБ РФ от 5 мая 2005 г.

Орнитолог Григорий Иванович Поляков

работе, или ссылка навсегда перечеркнула его карьеру, не известно.

В том же 1925 г. на Соловки не по своей воле прибыли Андрей Андреевич Барановский, профессор Агрономического института⁵, профессор Московской Духовной академии и Московского университета Иван Васильевич Попов (1867 – 8 февраля 1938)⁶ и Михаил Александрович Кох (? – 31 марта 1928), крупный ученый-геолог, арестованный в Ленинграде по «Епанчинскому делу». Через 3 года Кох скончался в Кемском пересыльном пункте, куда был вывезен для поиска воды на Поповом острове, так как воду туда приходилось завозить⁷.

В 1926 г. с 10-летним сроком на Соловках оказался Борис Федорович Гончаров, один из ведущих специалистов по авиации в СССР, автор многих научных трудов. Перед арестом занимал руководящие посты в Академии военно-воздушного флота РККА и Авиационном тресте при Главном управлении авиационной промышленности. В 1930 г. Гончаров был вывезен в Москву как обвиняемый еще по одному делу. Дальнейшая судьба его неизвестна⁸.

⁵ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 65.

⁶ Соловецкие новомученики. М.; Соловки, 2009. С. 61–79.

⁷ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 234; Д. 262. Л. 259; Д. 284. Л. 45; Д. 262. Л. 259.

⁸ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 360. Л. 235–236; Д. 407.

В том же 1926 г. на Соловках оказался Григорий Иванович Поляков (1876–?) — ученый-орнитолог, издатель и редактор первого в стране орнитологического журнала «Орнитологический вестник» (1910–1918). Ученый с большим полевым опытом, Поляков был награжден за работу над изданием журнала и состоял действительным членом ряда научных обществ. Перед арестом он работал в Зоологическом музее в Москве, был секретарем Союза охотников. На Соловках Григорий Иванович в 1927–1931 гг. являлся активным членом СОКа, занимался изучением птиц.

В 1927 г. на Соловки были сосланы ученый из Симферополя, автор учебников по географии Эджем Фейзи Мустафа-Оглы и крупный военный специалист-подводник, преподаватель Военной академии Анатолий Владиславович Томашевич (1895–1960). Пережив и Соловки, и тяжелую ссылку в Сибирь, Томашевич вернулся к преподавательской и научной деятельности. В 1952 г. ему была присуждена Сталинская премия. В разные годы он был награжден двумя орденами Ленина, орденами Красного Знамени, Трудового Красного Знамени, Красной Звезды⁹.

В середине 1920-х гг. государство явственно обнаружило стремление установить жесткий контроль над наукой. Началась ее тотальная идеологизация. Деформировались и разрушались связи российской науки с мировым научным сообществом, смещались приоритеты в научных исследованиях. Чинились препятствия для развития фундаментальной науки, гуманитарные науки низводились в разряд второсортных. В глазах властей ученые старой школы оказывались препятствием для такой «модернизации науки». В первую очередь репрессии коснулись специалистов-гуманитариев — историков и философов. Стало недопустимым существование не только исторических и философских школ, но даже и кружков.

Очень показательна в этом отношении судьба религиозно-философского кружка «Воскресение» в Петрограде (Ленинграде), существовавшего с 1917 по 1928 гг. Членами этого кружка в разное время были сотрудники Академии наук историки А.В. Карташев, И.М. Гревс, Г.П. Федотов и многие другие известные представители петербургской интеллигенции. Главной идеей собраний было «свободное обсуждение проблем действительности и выработка внутренней позиции, на которой личность может устоять в эпоху катастроф». Во главе кружка «Воскресение»

⁹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 597. Л. 252; Д. 779. Л. 66–69.

стоял русский философ, культуролог и переводчик Александр Александрович Мейер (1875–1939). В молодости он был марксистом, за что преследовался и несколько раз ссылался при старой власти. Позже Мейер стал теоретиком мистического анархизма. В 1907–1908 гг. в мировоззрении Александра Александровича произошел переворот, в результате которого он обратился к пропаганде христианских ценностей. В 1909 г. вышла его первая книга «Религия и культура». А.А. Мейер сделался завсегдатаем петербургского Религиозно-философского общества, сблизился с Д.С. Мережковским и З.Н. Гишпиус, стал много писать и ездить по стране с лекциями. Конечно, при новой власти кружок «Воскресение» не мог существовать долго, и в конце 1928 г. начались аресты его членов. Постановлением Коллегии ОГПУ от 22 июля 1929 г. 70 человек были приговорены к различным срокам заключения, а сам Мейер — к расстрелу, который с учетом его марксистского прошлого был заменен 10 годами заключения. В августе 1929 г. его отправили на Соловки. В лагере А.А. Мейер попал на работу в Криминологический кабинет, где работал вместе с будущим академиком Д.С. Лихачевым, который писал о нем в своих воспоминаниях¹⁰. На Соловках А.А. Мейер начал две работы — «Три истока» и «Фауст», посвященные проблемам культуры. В 1930 г. он был вывезен в Ленинград, где его «дело» присоединили к «делу Академии Наук», и снова отправлен в Соловецкий лагерь. Сначала он находился на материке — в Майгубе, Кеми; в июне 1931 г. был снова привезен на Соловки, а через некоторое время переведен в Медвежьегорск, где написал одну из своих лучших работ «Жертва: Заметки о смысле мистерии». Из лагеря освобожден досрочно. Скончался в Ленинграде¹¹.

По делу А.А. Мейера на Соловки было сослано еще около 30 человек, среди которых были и ученые — Н.П. Анциферов, А.В. Болдырев, А.П. Смирнов, В.В. Бахтин, Н.В. Стеблицкая-Пигулевская, А.П. Сухов.

Наиболее всего известно имя Николая Павловича Анциферова (1889–1958) — историка, основателя экскурсионного дела в России, краеведа. Н.П. Анциферов закончил историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета, был учеником историка-медиевиста И.М. Гревса, который заложил основы городского краеведения. После окончания университета

Философ Александр Александрович Мейер

Анциферов готовился стать профессором на кафедре всеобщей истории, однако революция многое изменила в его жизни. Николай Павлович стал сотрудником Центрального бюро краеведения, много ездил по стране, в том числе бывал и на Севере. Кроме того, он возглавил семинары по экскурсионному изучению города при обществе «Старый Петербург». Работы Н.П. Анциферова, опубликованные в то время, вызывают глубокий интерес и сегодня. В статье «Краеведение как историко-культурное явление» Николай Павлович предсказывал, что «от судьбы краеведческого движения зависит многое в судьбе нашей культуры». В 1922 г. вышла его знаменитая книга «Душа Петербурга», обессмертившая имя автора. Когда в 1929 г. ученый был сослан на Соловки на 3 года, дома осталась смертельно больная жена, которая вскоре скончалась, и двое маленьких детей. Через год Анциферова вывезли в Ленинград, где по новому делу ему увеличили срок до 5 лет и отправили на Беломорско-Балтийский канал, откуда «по зачетам» он был освобожден в 1933 г. После освобождения ученый вернулся в Ленинград и стал работать в Государственном литературном музее. В 1937 г. последовал повторный арест. От смерти в лагере на Дальнем Востоке его спасло лишь заступничество друзей. Последний период жизни этого замечательного историка и краеведа связан с работой в Московском государственном

¹⁰ Лихачев Д. Воспоминания. М., 2007. С. 191–202.

¹¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 378. Л. 55–56; Д. 424. Л. 70; Д. 611. Л. 421–425.

Историк Николай Павлович Анциферов

литературном музее. Он создавал выставки и экспозиции, посвященные русским писателям, публиковал статьи и монографии о литературном прошлом Ленинграда и Москвы, работал над мемуарами¹². В лице Николая Павловича Анциферова надо отдать дань уважения всем краеведам, многие из которых были репрессированы. Краеведческое движение 1920-х гг. вопреки всему стало беззаветным подвигом остатков русской интеллигенции, в том числе провинциальной, во имя спасения культуры.

Вместе с Н.П. Анциферовым в 1929 г. был сослан и его друг Алексей Петрович Смирнов (1889–1930) — научный сотрудник Государственной академии истории материальной культуры, сотрудник отдела древнерусского искусства Государственного русского музея, широко эрудированный и талантливый исследователь. Круг научных интересов А.П. Смирнова был необычайно широк: его занимала топография средневекового Константинополя, археология и искусство Крыма византийского времени, памятники Сицилии периода норманнского завоевания. Кроме того, он был исключительным знатоком христианской иконографии, византийской и поствизантийской иконописи. Алексей Петрович внес значительный вклад в историю изучения византийских памятников Эрмитажа. Ученого арестовали,

¹² Там же. Д. 398. Л. 4; Д. 467. Л. 282–317.

когда он находился в самом расцвете творческих сил. Через год он скончался от тифа в лазарете Кемского пересыльного пункта.

Скажем вкратце и о других упомянутых нами ученых, сосланных по делу А.А. Мейера: Александр Васильевич Болдырев (1896–1941) — известный ленинградский филолог-классик, преподаватель университета; Всеволод Владимирович Бахтин (1901–1951) — историк-медиевист, сотрудник рукописного отдела ГПБ; Нина Викторовна Стебницкая-Пигулевская (1894–1970) — историк, до ареста работала в публичной библиотеке при Академии наук. Отбыв 5 лет на Соловках и в Архангельске, она вернулась к научной работе, стала крупным востоковедом-медиевистом, член-корреспондентом АН СССР¹³.

Непонятным образом с делом А.А. Мейера оказалось связанным дело Владимира Николаевича Бенешевича (1874 – 27 января 1938), выдающегося византиевиста, археолога, историка канонического права, члена-корреспондента Академии наук СССР, Страсбургской и Баварской академий. В 1929 г. вместе с женой он был сослан в СЛОН, находился в Кемпи, где через год был арестован, вывезен в Ленинград, и уже по «Академическому делу» на пять лет сослан в Ухтпечлаг¹⁴. Позднее Владимира Николаевича и его сыновей-близнецов Георгия и Дмитрия расстреляли.

В 1920-е – начале 1930-х гг. серьезные перемены, повлекшие за собой тяжелые последствия, произошли в судьбе Академии наук, крупнейшего комплекса научно-исследовательских учреждений страны. Власти активно взялись за кардинальную перестройку ее деятельности, стремясь любыми средствами уничтожить и запретить все «классово чуждое», в числе которого оказывались органически сложившиеся организационные структуры, коллективы ученых, системы отношений в них, нравственный климат, традиции. Также предполагалось коренное изменение персонального состава академии, так как среди ученых в основном преобладали представители старых школ, да и происхождение многих из них вызывало раздражение власти. «Сверху» была дана установка, что «аппарат Академии Наук СССР не может пользоваться правами экстерриториальности и не может быть ковчегом для бывших»¹⁵. Отдельные аресты сотрудников

¹³ Яковлева А. Кружок «Воскресение»: история, участники и их судьбы. Соловки, 2006 // Архив СГИАПМЗ.

¹⁴ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 335. Л. 223–226; Д. 389. Л. 146–159.

¹⁵ Перченко Ф. Академия Наук на «великом переломе» // Звенья. М., 1991. Вып. 1. С. 163.

начались во второй половине 1920-х гг., а в 1929 г. развернулось громкое «дело Академии наук», по которому пострадало несколько сотен человек, больше всего — представители гуманитарных наук: историки, этнографы, музейеведы, архивисты и др. Из этого огромного дела были выделены несколько самостоятельных дел. Многие ученые, проходившие по этим делам, отбывали свой срок на Соловках.

Еще в 1926 г. возникло «дело Линденера». Борис Александрович был известным минералогом, ученым секретарем КЕПС (Комиссия АН по изучению естественных производительных сил России), организатором экспедиций, близким другом В.И. Вернадского. Дело Б.А. Линденера не было политическим — он проиграл в карты казенные деньги, и это было моральным ударом по Академии наук. Арестованного Бориса Александровича пытались заставить дать ложные показания на академика А.Е. Ферсмана в обмен на смягчение участи, на что тот не пошел и получил 10 лет Соловков. На Соловках Б.А. Линденер занимался организацией детской колонии, для которой даже придумал шапку особого фасона — «линденеровку». О нем также пишет в своих воспоминаниях Д.С. Лихачев¹⁶. На Соловках Б.А. Линденер пробыл недолго, так как наверху посчитали, что «было бы нецелесообразно лишать науку выдающегося специалиста», и перевели его в Хибины.

20 июня 1927 г. был арестован в Ленинграде Дмитрий Иванович Абрамович (1873–1955), историк литературы, с 1898 г. — заведующий кафедрой Санкт-Петербургской Духовной академии, с 1921 г. — член-корр Академии наук. Абрамович занимал профессорские должности в Петроградском университете и Археологическом институте, работал главным библиотекарем в Рукописном отделе Государственной публичной библиотеки, был членом общества любителей древней письменности. Полный перечень всех его должностей займет целую страницу. Вместе с женой Евдокией Васильевной Песецкой, дочерью известного революционера В.И. Покровского, Д.И. Абрамович на 5 лет был отправлен на Соловки с конфискацией всего имущества. Супруги считали причиной своего ареста недоносительство: однажды к ним пришел Светозар Радованович, явно больной человек, и стал уговаривать вступить в какое-то общество, о чем они никуда не сообщили. Был арестован и сослан на 10 лет и присутствовавший при этом разговоре и тоже не донесший знакомый Абрамовича Евгений Петрович Воронов. О нем

супруги особенно переживали: «Несчастный старик погибает в Соловках только за то, что подобно нам не донес». На Соловках Абрамович был привлечен СОКом для описания монастырских рукописей, которое выполнил очень профессионально¹⁷. Спустя год Дмитрий Иванович был амнистирован с ограничением в выборе места жительства, с которым он не мог жить в Ленинграде, поэтому ученый уехал в Нижний Новгород.

В июне 1927 г. на 10 лет был сослан Яков Яковлевич Майхровский (1874–?), ученый, управделами Правления АН. Ему в вину ставилось его прошлое — до 1917 г. он управлял конторой великого князя Георгия Михайловича. На Соловках Майхровский тяжело заболел и по ходатайству президента АН А.П.Карпинского был вывезен в Ленинград на лечение. В ходе начавшихся в 1929 г. «чисток» он был снова арестован¹⁸.

Первые серии арестов по «делу Академии Наук» коснулись в основном «бывших». В ходе «чистки» 7 декабря 1929 г. был арестован Федор Федорович Скрибанович (1880–?), блестящий библиограф и философ. До 1917 г. он был заведующим Публичной библиотекой АН, затем в 1923 г. по семейным обстоятельствам уехал в Германию, а в дальнейшем работал в Философском институте им. Герцена в Риге. По приглашению Академии наук Ф.Ф. Скрибанович вернулся в Ленинград и принял советское гражданство. Ему поручили организацию единого сводного каталога всех библиотек академических институтов. За этой работой Скрибанович и был арестован и по статье 58/11 осужден на 10 лет. Федору Федоровичу не простили его жизни в Европе в 1923–1928 гг. Ссылку отбывал на Соловках, затем в Вегеракше (Кемь), в Медвежьегорске¹⁹.

30 ноября 1929 г. был арестован Борис Николаевич Молаш (1874 – 13 января 1938), заведующий секретариатом АН СССР, юрист, музейевед. Дворянин по происхождению, он приходился двоюродным братом известному энтомологу М.Н. Римскому-Корсакову, а также участвовал в Первой мировой войне. В 1921 г. Борис Николаевич как уполномоченный Петроградского Отдела по охране, учету и регистрации памятников искусства и старины посещал Соловки. В его отчете была впервые дана обобщенная картина состояния музейных ценностей в Северном крае России после революции. Он сделал первую регистрацию соловецких памятников

¹⁷ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 278. Л. 76; Д. 586. Л. 297.

¹⁸ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 279. Л. 76, 79; Д. 291. Л. 174; Д. 406. Л. 75–78.

¹⁹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1274. Л. 109; Д. 1572. Л. 140.

¹⁶ Лихачев Д. Воспоминания. М., 2007. С. 159.

и рекомендовал Главмузею назначить уполномоченного по охране художественных и исторических ценностей Соловецкого монастыря. На основе отчета Б.Н. Моласа Петроградское отделение Главнауки послало в Архангельский Губисполком охранное свидетельство на Соловецкий монастырь «как памятник выдающегося художественно-исторического значения, находящийся под охраной правительства». Кроме того, он попытался разыскать коллекцию ценностей, вывезенную из монастыря комиссией Архгубчека летом 1920 г.²⁰ Постановлением КОГПУ от 10 мая 1931 г. в числе большой группы сотрудников Академии наук Борис Николаевич был приговорен к расстрелу с заменой на 10 лет заключения. Содержался на Соловках, в Куземе, Медвежьегорске. В 1934 г. Б.Н. Молас был досрочно освобожден из лагеря и отправлен в ссылку в Архангельск, где некоторое время проработал в музее. 30 декабря 1937 г. Бориса Николаевича арестовали «за контрреволюционную агитацию», а 13 января 1938 г. расстреляли.

28 октября 1929 г. был арестован помощник Б.Н. Моласа Григорий Николаевич Соколовский, юрист по образованию. 10 мая 1931 г. его осудили на 10 лет с конфискацией имущества. Соколовский был отправлен на Соловки, где до 1933 г. содержался в кремле²¹. По этому же постановлению от 10 мая 1931 г. вторые десятилетние сроки получили «соловчане» Я.Я. Майхровский и священник, бывший член Второй государственной думы Михаил Митроцкий. Первая серия приговоров была вынесена им и другим ученым еще 10–15 февраля 1931 г. тройкой ОГПУ при Ленинградском военном округе. Большая группа сотрудников АН получила расстрел с заменой на 10 лет заключения. Из этой группы на Соловки были сосланы Мстислав Антонович Шангин, автор большого труда по истории знаний, получившего рекомендации для международного издания²², Сергей Константинович Богоявленский (1871–?), крупный специалист по архивному делу, более 30 лет прослуживший в архиве иностранных дел²³.

В ноябре 1930 г. прошла еще одна волна арестов, по которой к 5-летней ссылке на Соловки был приговорен Алексей Андреевич Бельницкий-Бируля, директор Зоологического музея при АН. Поскольку ему было уже 70, на Соловки его не отправили, а оставили на материке, в Май-губе,

где, несмотря на преклонный возраст и болезни, отправили на лесозаготовки²⁴. С 10-летним сроком по статье 58/10 на Соловки был отправлен Иван Александрович Мейер (1888–?), библиотекарь АН. В вину ему было поставлено и то, что он был очень религиозен и состоял членом церковной двадцатки. На Соловках содержался в кремле. Сразу же по прибытии в лагерь ученый сильно заболел, «выглядел, как глубокий старик, хотя ему всего 43 года, его религиозность приняла какую-то болезненную форму». Вскоре И.А. Мейер совсем стал инвалидом и с Соловков был переведен библиотекарем на материк, в Кузему, но с обязанностями не справился и снова был возвращен на остров²⁵.

Еще одна акция против старой интеллигенции — сфабрикованное ОГПУ осенью 1933 г. «дело Российской национальной партии» или «дело славистов», по которому было осуждено более 70 человек — как известные ученые, так и рядовые музейные сотрудники, краеведы, врачи, агрономы, в основном из Москвы и Ленинграда. Параллельно аналогичные «дела» были заведены и в других крупных городах. Все проходившие по делу обвинялись в том, что были членами разветвленной контрреволюционной национал-фашистской организации, именовавшей себя «Российская национальная партия», основная цель которой заключалась в свержении советской власти и установлении в стране фашистской диктатуры. Отделения этой организации якобы существовали в Москве, Ленинграде и других российских городах, на Украине, в Белоруссии, а создана она была по указаниям русского фашистского центра за рубежом. К делу были привлечены такие выдающиеся ученые, как академики Михаил Несторович Сперанский и Владимир Николаевич Перетц, члены-корреспонденты Академии наук Григорий Андреевич Ильинский и Афанасий Матвеевич Селищев, профессора Виктор Владимирович Виноградов, архитектор-реставратор Петр Дмитриевич Барановский, бывший директор Русского музея Николай Петрович Сыгчев и др. Подробнее остановимся на именах тех, кто по приговору был сослан на Соловки.

Роль руководителя организации отводилась Николаю Николаевичу Дурново (1876 – 27 октября 1937), одному из крупнейших отечественных лингвистов начала XX в. Он происходил из известного старинного рода потомственных дворян Московской губернии. В 1899 г. Николай Николаевич окончил университет,

²⁰ Сохраненные святыни Соловецкого монастыря: Каталог выставки. М., 2001. С. 13.; Ленинградский мартиролог. СПб., 2007. Т. 7. С. 602–605.

²¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 501. Л. 369–371; Д. 1049. Л. 7.

²² ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 693. Л. 19.

²³ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 693; Д. 858. Л. 67; Д. 690. Л. 477.

²⁴ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 639. Л. 343–344.

²⁵ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 594. Л. 233–245; Д. 777. Л. 108–127.

в совершенстве владея 5 языками. С юности он посвятил себя науке о русском языке (русская диалектология и история русского языка), также занимался древнерусской литературой. Еще до революции ученый опубликовал несколько монографий. В 1918–1923 гг. служил профессором Саратовского университета, но, не имея возможности полноценно работать и печататься, решил уехать за границу. В 1924 г. Николаю Николаевичу удалось получить от Академии наук командировку на 4 месяца в Чехословакию, где он стал много и плодотворно работать, решив не возвращаться в Россию. Но вернуться пришлось, так как власти не выпустили за границу семью, а затем поступило заманчивое приглашение от Белорусской Академии наук. В 1928 г. Николай Николаевич поселился в Минске, где был избран академиком и начал публиковаться, но через 2 года из-за начавшихся в Белоруссии «чисток» был исключен из Белорусской Академии наук и вернулся в Москву. Н.Н. Дурново был одним из достойнейших кандидатов на «языковую» кафедру АН СССР, но «общественными организациями» признан «недостойным избрания в действительные члены Академии как недостаточно отметивший себя в современной науке и советской общественности». До самого ареста ему не удалось устроиться на постоянную работу, и он кое-как перебивался договорными заказами. В конце декабря 1933 г. Дурново был арестован и 20 марта 1934 г. КОГПУ по статье 58/4, 11 приговорен к десяти годам. На Соловках он содержался в 6-й камере «сторожевой» роты, на первом этаже Святительского корпуса, окна которого выходили на южную сторону. Из лагерного музея Николаю Николаевичу приносили древние рукописи, и он занимался их описанием. (Эти описания с пометками ученого хранятся в ОПИ ГИМа²⁶.) На Соловках Н.Н. Дурново написал «Граматику сербохорватского языка», дальнейшая судьба которой неизвестна. Осенью 1937 г. имя этого выдающегося ученого попадает в «расстрельные списки», и в числе 1111 заключенных соловецкой тюрьмы он был расстрелян в Сандармохе под Медвежьегорском²⁷. В один день с ним там же были расстреляны «однодельцы» Валериан Эдуардович Розенмейер и Густав Адольфович Тюрк, профессор, известный в Москве врач-терапевт, активный член обществ «Старая Москва» и «Изучение русской усадьбы». Вместе с Николаем Николаевичем проходил по делу и был осужден на 5 лет его старший

сын Андрей (1910 – 5 января 1938), который был продолжателем дела отца, занимался славистикой и не успел проявить себя только из-за своего юного возраста. На Соловках он пробыл недолго, впоследствии был переведен в Среднюю Азию, где тоже был расстрелян.

На Соловки был сослан и Григорий Андреевич Ильинский (1876 – 14 декабря 1937), профессор-филолог, ученый богатой эрудиции и широких интересов. В 1897 г. он окончил историко-филологический факультет Петербургского университета с дипломом первой степени и был оставлен на кафедре славянской филологии для подготовки к профессорскому званию. В 1911 г. защитил докторскую диссертацию по теме «Грамоты болгарских царей». Г.А. Ильинский опубликовал около 20 старославянских, среднеболгарских и сербских памятников, а его труд «Праславянская грамматика» в 1918 г. получил Толстовскую премию «как выдающееся явление в области изучения славянских языков». С 1921 г. Г.А. Ильинский — член-корреспондент Академии наук. Самая известная его работа — «Опыт систематической Кирилло-Мефодиевской библиографии» — увидела свет в Софии уже после ареста ученого. На Соловках Григорий Андреевич пробыл недолго. В 1934 г. 10-летний срок в лагере ему заменили 3-летней ссылкой в Сибирь, где он был расстрелян.

3 декабря 1937 г. в Кеми был расстрелян Борис Георгиевич Крыжановский, до ареста заведовавший украинским отделом Русского музея. 8 декабря 1937 г. в числе группы из 509 человек заключенных соловецкой тюрьмы был расстрелян Александр Андреевич Устинов, крупный специалист банковского дела, до ареста работавший старшим консультантом Планово-экономического управления Госбанка СССР²⁸.

В связи с «делом Российской национальной партии» нельзя не упомянуть о Давиде Алексеевиче Золотарева (1885 – 28 августа 1935). Этнограф, профессор ЛГУ, в 1920-е гг. он работал заведующим этнографического отдела Русского музея, занимаясь в основном этнографией национальных меньшинств. Давид Алексеевич много ездил в экспедиции, выпустил более 40 печатных работ, в том числе «Кольские лопари», «Карелы СССР». Впервые он был арестован в 1930 г. по «делу» Центрального Бюро Краеведения, осужден по статье 58/11 и на 3 года сослан в Соловецкий лагерь, был на Соловках, в Сосновце²⁹. В августе 1932 г. Давид Алексеевич был досрочно

²⁶ Неберекутина Е. Обзор фонда «Соловецкий музей» // Труды Государственного исторического музея. М., 1993. Вып. 84. С. 61.

²⁷ Архив УФСБ по Архангельской области. Д. П-11764.

²⁸ Там же. Д. П-11765.

²⁹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 79. Л. 144–147.

Казахский ученый Мыржакыш (Мир-Якуб) Дулатов

освобожден, вернулся в Ленинград, стал работать профессором антропологии в Центральном географическом музее. Однако в конце ноября 1933 г. последовал второй арест в числе ленинградской группы по делу «Российской национальной партии». По этому делу ученый был осужден на 5 лет и сослан в Сиблаг, где и скончался.

В 1964 г. «дело славистов» пересмотрели — было признано, что «Российской национальной партии» не существовало. Между тем, только из московской группы арестованных по этому делу, насчитывавшей 39 человек, 11 человек было расстреляно, 1 покончил жизнь самоубийством, 2 умерли в тюрьме, остальные на многие годы лишились возможности заниматься наукой³⁰.

«Чистки» проходили не только в Москве и Ленинграде и не только в Академии наук — аресты ученых охватили всю страну. В 1929 г. в Одессе был арестован академик Михаил Елисеевич Слабченко, историк, философ, автор четырехтомного труда по истории Украины и многих других трудов. На Соловках некоторое время содержался в Савватьево, затем был вывезен на материк, в 1936 г. освобожден. В 1937 г. М.Е. Слабченко был повторно арестован и осужден на 10 лет.

В 1929 г. был арестован Михаил Елевферьевич Правосудович (1865 – 29 октября 1929). Выходец из дворян, он окончил Технологический институт и Институт путей сообщения в Петербурге. После революции М.Е. Правосудович считал для

себя возможным сотрудничество с новой властью и продолжил преподавание в университете. Также он был назначен председателем Научно-технического комитета Народного комиссариата путей сообщения. Ученый посвящал много времени изобретательской работе и выпускал технические книги. Обвиненный во вредительстве, он был сослан на Соловки и расстрелян в числе 36 человек по делу о «Кремлевском заговоре». Вместе с ним были арестованы и сосланы в Верхний Волочок дети — Татьяна и Дмитрий. Дочери Наталье чудом удалось уехать из страны; впоследствии она стала известным композитором, автором духовной музыки.

Осенью 1929 г. с 10-летним сроком по статье 58/6 (шпионаж) на Соловках оказался Гаврила Осипович Гордон (1885–1942), философ и историк, педагог, полиглот, человек энциклопедических знаний. С 1920 г. он был членом Коллегии Наркомпроса и членом Педагогической секции Государственного ученого совета, преподавал в университете. Благодаря хлопотам коллег через год Гавриле Осиповичу Соловки заменили 5-летней ссылкой в Свердловск. В 1933 г. он освободился и вернулся в Москву, но в 1936 г. был повторно арестован. Скончался в лагере³¹.

В том же году из Харькова был сослан очень талантливый ученый-психиатр Николай Дмитриевич Зиновьев-Иконников (1901–?). Наукой он стал серьезно заниматься еще в студенческие годы, закончив три института. Благодаря своим научным трудам Н.Д. Зиновьев-Иконников был включен в состав научных сотрудников Главнауки. Все знавшие Николая Дмитриевича отзывались о нем как необыкновенно хорошим, порядочном человеке. Причиной для ареста послужила его религиозность, которую ученый никогда не скрывал. После Соловков Н.Д. Зиновьев-Иконников был отправлен в ссылку в Сольвычегодск, затем в Коми край³².

5 октября 1930 г. в Москве был арестован и приговорен к 10 годам ссылки на Соловки Николай Михайлович Попов-Татива, профессор-востоковед, специалист по Китаю и Японии, полиглот (владел всеми основными восточными языками), автор монографий. Перед арестом он служил в Наримановском институте³³. Из Ленинграда по делу профессора Прохорова выслана Ольга Иакинфовна Прохорова, ученый-ботаник, с 1908 г. — главный хранитель Почвенного

³⁰ Аншин Ф., Алпатов В. «Дело славистов»: 30-е годы. М., 1994.

³¹ Ларьков С. Введение в жизнь и выведение из жизни // Газета «30 октября». 2002. № 23. С. 7.

³² ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 649. Л. 208–210.

³³ Там же. Д. 503. Л. 204; Д. 693. Л. 96; Д. 855. Л. 107.

музея, с 1919 г. — научный сотрудник Главного Ботанического сада, автор трудов по флоре Дальнего Востока (где она много работала)³⁴. В 1930 г. на 5 лет был сослан на Соловки талантливый историк искусства Алексей Николаевич Греч (1899–1938). Почти одновременно с ним — выдающийся исследователь и первооткрыватель древнерусской живописи Александр Иванович Анисимов (1877 – 2 сентября 1937), впоследствии расстрелянный в Карелии³⁵.

В феврале 1931 г. в Москве был арестован и с 10-летним сроком доставлен на Соловки Михаил Николаевич Кишкин, автор учебников по зоологии, организатор двух биологических музеев в Москве. На Соловках преподавал зоологию на ветеринарных курсах³⁶.

В конце 1920-х – начале 1930-х гг. раскручивалось «дело крестьянской партии» (дело Чаянова, Кондратьева), по которому были арестованы многие ученые в области сельского хозяйства. В 1931 г. на Соловки были сосланы ученый-агроном Воронежской областной опытной станции, соратник Н.И. Вавилова, автор более 20 печатных научных трудов Иван Васильевич Попов (1892–?), приговоренный к 10 годам, а также крупнейший в стране специалист по верблюдоводству, заведующий кафедрой саратовского Зооветеринарного института Виктор Николаевич Колпаков, ученик Чаянова Павел Матвеевич Писцов и др.³⁷

В конце 1931 г. в Москве был арестован Николай Ильич Коротнев (1865 – 27 октября 1937), профессор, выдающийся специалист-невропатолог, автор многих трудов, разработчик электротерапии и электродиагностики. В 1920-е гг., когда сократились связи с заграницей и прекратились поставки шелка, необходимого для хирургических операций, Н.И. Коротнев разработал и организовал в Симферополе производство кетгута, который так хорошо себя зарекомендовал, что стал предметом экспорта. Будучи разносторонне развитым и талантливым человеком, Николай Ильич принимал участие в различных научных обществах, пользовался европейской известностью как энтомолог, профессионально работал над изготовлением консервов. Он мечтал избавить страну от иностранной зависимости, в то же время глубоко изучая опыт

Философ Гаврила Осипович Гордон

коллег из-за рубежа. Это и стало основной виной ученого. Поводом к аресту послужило то, что Н.И. Коротнев на три дня приютил приехавшего из-за границы дальнего родственника и не донес об этом. Срок отбывал в Сиблаге, Дмитровлаге, СЛОНе. С Соловков несколько раз вывозился на материк. В 1936 г. в Туломе разрабатывал проект новой крупной физиотерапевтической лечебницы, так как был единственным в стране специалистом по этому вопросу. В лагере разработал 10 рационалистических предложений, 7 из которых были воплощены. В 1937 г. возвращен на Соловки, расстрелян в Сандармохе³⁸.

В 1931 г. на 10 лет по статьям 58/2,4,10,11 на Соловки был сослан выдающийся казахский ученый, просветитель, поэт, писатель, публицист, философ, математик, политический деятель Мыржакып (Мир-Якуб) Дулатов (1885 – 5 октября 1935). В 1907 г. в Санкт-Петербурге Дулатов издавал казахскую газету «Серке». В 1909 г. он написал политический манифест казахского народа «Пробудись, казах», представляющий собой философско-эстетический трактат, за что на полтора года попал в тюрьму. В 1910 г. Дулатов написал первый национальный роман «Несчастливая Жамал», который был переведен на русский, английский, французский и немецкий языки. В следующем году издал хрестоматию казахского

³⁴ Там же. Д. 550. Л. 254.

³⁵ Кызласова И. История отечественной науки об искусстве Византии и Древней Руси 1920–1930 годы. М., 2000. С. 298–245; Кызласова И. Александр Иванович Анисимов (1877–1937). М., 2000.

³⁶ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 854. Л. 319.

³⁷ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 646. Л. 245–247; Д. 778. Л. 91–92; Д. 858. Л. 51.

³⁸ Там же. Д. 1514. Л. 182–191; Д. 819. Л. 65 об., 66.

фольклора, а затем на основе концепции арабских мыслителей написал книгу по математике. После революции Дулатов работал редактором республиканской газеты, преподавал в различных вузах, писал и издавал учебники по фольклору, математике, истории, медицине. На Соловках этот выдающийся ученый находился с 9 февраля 1931 г. до марта 1934 г., содержался в кремле, работал лекпомом в лазарете. Там он составил тюркско-русский словарь, оригинал которого сейчас хранится у его дочери. С Соловков Дулатов был вывезен на материк, в 5-е отделение ББК, станцию Сосновец, где и скончался от тяжелой сердечной болезни 5 октября 1935 г.³⁹

В 1931–1933 гг. на Соловках находился крупный ученый-экономист Иван Христофорович Озеров (1869–1942).

20 февраля 1933 г. в Новосибирске был арестован, осужден по статье 58/11 и на 10 лет сослан на Соловки Сергей Иванович Орлов (1889 – 8 декабря 1937), биолог, крупный специалист по изучению промысловой фауны, организатор первого зверопитомника в Западной Сибири, участник многих экспедиций по выявлению промыслового зверя на Урале, в Средней Азии, в Хакасии. В 1932 г. он руководил экспедицией по изучению сурка в Ойратии. Сергей Иванович — автор многочисленных статей и монографий. На Соловках он сразу же был отправлен на лесоразработки, где отморозил руки. После этого ученый попал в сельхоз, где читал лекции по защите растений, руководил отбором и отправкой экспонатов на сельскохозяйственную выставку в Ленинград в 1934 г. Орлов начал заниматься и научной работой: изучал гагу, в том числе ее кольцеванием (даже изобрел машину по очистке гагачьего пуха), обследовал все ягельники острова, разрабатывал проблему содержания оленей как стойлового животного. В лагерном музее С.И. Орлов обновил все чучела, большую их коллекцию изготовил также для Арктического института в Ленинграде. Очень надеялся пережить лагерь и заняться любимой работой, но этим планам не суждено было сбыться. 8 декабря 1937 г. С.И. Орлов был расстрелян⁴⁰.

В октябре 1934 г. на Соловки из Сковородина привезли Павла Васильевича Флоренского (1882 – 8 декабря 1937). Это был человек великих дарований, который вошел в историю русской культуры как выдающийся математик, инженер, искусствовед, богослов и философ. В 1933 г. Павел Александрович уже не первый раз был арестован и сослан на Дальний Восток в город

Свободный, затем работал на мерзлотной станции в Сковородино, занимаясь изучением вечной мерзлоты. Последние 3 года жизни П.А. Флоренского на Соловках были связаны с водорослями — их сбором, определением, изучением их морфологии и анатомии, разработкой технологических процессов комплексной переработки водорослевого сырья. Его коллегами в лаборатории йодпиромы были профессор-химик из Нижнего Новгорода Роман Николаевич Литвинов (1890 – 8 декабря 1937), талантливый инженер из Новосибирска Николай Яковлевич Брянцев (1889 – 27 октября 1937) и др. На оборудовании, сделанном своими руками «из чего попало», они добились результатов, которые превзошли мировые достижения того времени. В одном из писем родным Павел Александрович писал: «...агар, получаемый нами, согласно нашим испытаниям, оказался доброкачественным и превосходящим японский, а равняющимся по качеству — американскому, если не выше его». Судьба и этих ученых оказалась трагичной⁴¹.

В феврале 1935 г. была арестована в Москве и приговорена к 10 годам профессор МГУ, редактор Большого немецко-русского словаря Елизавета Александровна Мейер. В лагере она была на Соловках и в Морсплаве, на Поповом острове. Сначала работала в лесу, затем — в лазарете и пошивочной мастерской. В письме к Е.П. Пешковой она писала: «Всю жизнь я не знала других интересов, кроме науки, а сейчас должна шить рукавицы, не имея возможности заботиться о старой матери»⁴².

В начале 1930-х гг. на Украине была «раскрыта» «буржуазно-националистическая», «шпионская», «террористическая» организация «Украинский национальный центр» во главе с академиками М.И. Яворским и М.С. Грушевским, членами которой в основном были представители интеллигенции. Почти все осужденные по этому делу были сосланы на Соловки, 134 человека расстреляны 27 октября – 4 ноября 1937 г. в Сандармохе. В один день, 3 ноября, были расстреляны ученые: историк и экономист академик Матвей Иванович Яворский; академик Степан Львович Рудницкий; профессор истории Александр Иванович Бадан-Яворенко; профессор, директор Института литературоведения Михаил Лукич Баран; геофизик, профессор МГУ, создатель и руководитель единой гидрометеорологической службы СССР Алексей Феодосьевич Вангенгейм; профессор Института востоковедения Антон Никитович Гарбуз; профессор

³⁹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1307. Л. 64–65; Письмо Г.М. Дулатовой;

⁴⁰ Там же. Д. 1472. Л. 100–102; Д. 1557; Д. 1561. Л. 171.

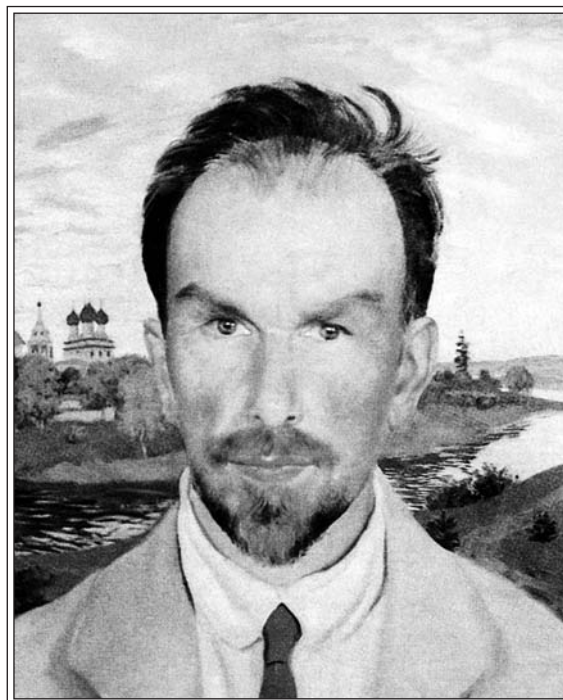
⁴¹ Священник Павел Флоренский. «Все думы — о вас». Письма семье из лагерей и тюрем 1933–1937 годы. СПб., 2004. С. 169.

⁴² ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1514. Л. 26–27; Д. 1557; Д. 1575.

украинской литературы Василий Филиппович Гопа; профессор-историк Сергей Григорьевич Грушевский; профессор-юрист Петр Иванович Демчук; профессор Петр Юрьевич Дятлов; профессор-литератор, специалист по античной классике Николай Константинович Зеров; профессор Михаил Михайлович Лозинский; профессор-историк Владимир Моисеевич Чеховской; научный сотрудник Украинской АН Николай Федорович Трофименко; научный сотрудник Исторического музея в Киеве Борис Кузьмич Пилипенко; экономист Климентий Иосифович Коник. Среди 1820 заключенных Соловецкой тюрьмы, расстрелянных в конце 1937 – начале 1938 гг.⁴³, кроме перечисленных, были и такие крупные ученые, как профессор Сельскохозяйственного института Владимир Исаевич Иванов; ученый-агроном Алексей Павлович Зимний; ученый-химик Александр Афанасьевич Евневич; профессор, краевед, ученый секретарь Сибирской Советской энциклопедии Пантелеймон Константинович Казаринов; профессор, научный сотрудник комиссии содействия ученым при Совнаркоме Павел Владимирович Остроухов; профессор-экономист Николай Васильевич Шаров; генетик, заместитель директора Всесоюзного института прикладной ботаники Михаил Денисович Мартынов; историк и философ Иосиф Абрамович Вайсберг; историк, научный сотрудник АН СССР Эйзер Львович Груздев-Радин; профессор истории Днепрпетровского университета Пинхус Гершович Глузман; антрополог Евгений Генрихович Либман; профессор богословия Михаил Иосифович Вольф; научные сотрудники Украинской АН Николай Петрович Павлушков и Василий Митрофанович Волков; врач-хирург профессор Владимир Яковлевич Подгаецкий; научный сотрудник АН в Ленинграде Зельма Самойловна Арро; профессор-физик, заведующий отделом истории науки и техники АН СССР, заместитель директора Физико-технического института Сергей Федорович Васильев; профессор, философ, старший ученый специалист Института философии АН в Ленинграде Хаим Иосифович Гарбер; историк-языковед из Москвы Раиса Яковлевна Владимирова-Шварц; профессор, философ Василий Матвеевич Домрачев; научный сотрудник Института истории АН в Ленинграде Вали Абдурахманович Забиров и ученый секретарь института Николай Гаврилович Попов; востоковед (китаевед, тибетолог), ученый секретарь Института востоковедения АН СССР

⁴³ 1111 человек — в Сандармохе, 509 человек — видимо, в Ленинградской области (8–10 декабря 1937 г., точное место расстрела неизвестно), 200 человек — на Соловках (17 февраля 1938 г.).

Искусствовед Александр Иванович Анисимов
Портрет Б. Кустодиева

в Ленинграде Гайк Кеганович Папалян; профессор ЛГУ, старший специалист Института истории АН СССР в Ленинграде Исаак Моисеевич Троцкий; литературовед, научный сотрудник Института русской литературы АН СССР в Ленинграде Григорий Юрьевич Юрьев; профессор, и.о. директора Института языкознания АН БССР Игнатий Семенович Дворчанин; агроном-биохимик, старший научный сотрудник НИИ Николай Кузьмич Лабазников; литературовед Ананий Дмитриевич Лебедь; профессор, медик Владимир Васильевич Удовенко; ученый-этнограф, краевед и музевед из Сибири Михаил Бонифатьевич Шатилов; директор Института украинского языка при Всеукраинской АН Григорий Григорьевич Холодный; профессор, врач Леонид Тимофеевич Титов. И даже этот список — далеко не полный⁴⁴.

Среди последних заключенных Соловецкой тюрьмы и тех, кому удалось пережить Соловки, тоже были ученые: профессор-хирург из Москвы Аркадий Александрович Опшман, сосланный на Соловки вместе с семьей и гостями за то, что на семейном празднике кто-то рассказал политический анекдот; профессор-аграрник Алексей Иванович Горский (1903–?); профессор Высшего финансово-экономического института и преподаватель Военно-политической академии им. Толмачева Александр Павлович Сагацкий (1899–1976);

⁴⁴ Мемориальное кладбище Сандармох. 1937, 27 октября – 4 ноября (Соловецкий этап). СПб., 1997; Возвращение имени. Алексей Феодосьевич Вангенгейм. М., 2005.

выдающийся физико-химик XX века Лев Соломонович Полак; историк Николай Иванович Ульянов.

Николай Иванович Ульянов (1904–1985) родился в Санкт-Петербурге, окончил истфак университета, был одним из лучших учеников известного историка академика С.Ф. Платонова, очень интересовался историей Русского Севера. После окончания аспирантуры Ульянов уехал в Архангельск и стал преподавать в педагогическом институте, также много работал в архиве и уже через 2 года издал книгу «Очерки по истории народа Коми-Зырян», за которую в 1935 г. ему была присуждена ученая степень кандидата исторических наук без защиты диссертации. В архангельском архиве Ульянову удалось найти «Дело о панфинской пропаганде в Карелии». Молодой историк написал на эту тему работу, и она должна была вот-вот выйти, но 2 июня 1936 г. Николай Иванович был арестован по обвинению в контрреволюционной пропаганде и на 5 лет сослан на Соловки. В 1939 г. в связи с закрытием тюрьмы на Соловках он был переведен в Норильск, откуда освободился перед самой войной. Во время войны Ульянов был отправлен на рытье окопов под Вязьмой, но попал в плен, затем бежал, жил в деревне под Ленинградом, записывал старинные песни, составлял словарь народного языка. В 1943 г. был отправлен на работы в Германию. После войны Н.И. Ульянов, спасаясь от насильственной репатриации, уехал в Марокко, где работал сварщиком на заводе, а в свободное время занимался любимой историей. Он написал роман «Атосса» о борьбе скифов с нашествием Дария, начал печататься в парижских эмигрантских изданиях, заявив о себе как яркий историк и страстный полемист. Большой интерес вызвали его работы «Происхождение украинского сепаратизма», «Патриотизм требует рассуждения», роман «Сириус», в котором историк попытался осмыслить причины и смысл февральской революции в России. В 1955 г. Николай Иванович стал профессором Йельского университета, в котором проработал до самой смерти. Его доклад «Исторический опыт России», прочитанный в 1961 г. на праздновании 1100-летия российской государственности, имел огромный успех у русской эмиграции. Скончался Николай Иванович в 1985 г., погребен на кладбище Йельского университета рядом с археологом М.И. Ростовцевым⁴⁵.

Лев Соломонович Полак (1908–2002), сотрудник Ленинградского института точной

механики и оптики, заведующий кафедрой физики и физической оптики, уже тогда, несмотря на молодость, считавшийся большим ученым, был арестован 12 февраля 1937 г., осужден «как соучастник контрреволюционной террористической деятельности троцкистско-зиновьевского блока» и отправлен на Соловки, в то время ставшие уже тюрьмой. В 1939 г. Лев Соломонович был отправлен в Ухтижимлаг, где работал бурильщиком на нефтепромыслах и несколько раз чуть не погиб. В лагере он подружился с заключенным физиком В.К. Фредериксом, вместе с которым они выполнили работу по теории анизотропной жидкости. Позже специалисты отмечали, что «к тому, что сделали эти замечательные лагерные ученые в этой области физики, подошли лишь через 20 лет». В 1946 г. Л.С. Полак был освобожден и с помощью академика С.И. Вавилова даже устроился на работу, но в 1949 г. был арестован снова и до 1955 г. находился в ссылке. После возвращения из ссылки он снова стал работать в Институте нефти в Москве. В 1957 г. Л.С. Полак стал доктором физико-математических наук, быстро выдвинулся в число крупнейших специалистов в области вариационных принципов механики, прикладной ядерной физики, самоорганизации в неравновесных системах. В 1985 г. ученый был удостоен Государственной премии СССР⁴⁶.

В журнальной статье невозможно рассказать и даже упомянуть всех деятелей науки, в разное время находившихся в заключении на Соловках. За 16 лет существования лагеря и тюрьмы через Соловки прошло, как принято сегодня считать, порядка 80–100 тысяч заключенных, что составляет всего лишь небольшой процент ото всех репрессированных в стране. Сколько же всего ученых, без которых никакое современное общество не может двигаться вперед, мы потеряли, и какой поистине масштабный урон нанесен нашей науке в ту страшную эпоху?

Сошина Антонина Алексеевна

Родилась в 1948 г. в Каргополе Архангельской области. Выпускница исторического факультета АГПИ (ныне Поморский государственный университет) им. М.В. Ломоносова. С 1969 по 1994 г. работала научным сотрудником Соловецкого государственного историко-архитектурного и природного музея-заповедника. С 1994 г. — сотрудник Церковно-археологического кабинета Соловецкого монастыря.

⁴⁵ Бондаренко В. Николай Иванович Ульянов // Слово. М., 1993. № 7–8.

⁴⁶ Глушнев С. Было так // «30 октября». 2002. № 27. С. 4.